

Научная статья

УДК 94(470)«18»:31

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-92-99

О пересмотре данных российской урожайной статистики конца XIX века

Сергей Александрович Нефедов

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия
hist1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0136-5020>

Аннотация

Статья посвящена изучению вопроса о достоверности урожайной статистики Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Автор показывает, что в 1893 г. была проведена реформа учета урожайности, которая привела к формальному росту урожайности минимум на 19 %. Таким образом, проводимое в работах историков сравнение данных о зерновом производстве в 1880-х гг. с данными начала XX в. оказывается некорректным. Если ранее считалось, что рост производства опережал рост населения, то учет предлагаемой поправки в 19 % приводит к противоположному выводу. Оказывается, что производство зерна на душу населения уменьшалось, и уровень потребления снижался.

Ключевые слова

урожайная статистика, реформа статистики, производство зерновых, уровень потребления, уровень жизни

Для цитирования

Нефедов С. А. О пересмотре данных российской урожайной статистики конца XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 92–99. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-92-99

On the Revision of Russian Harvest Statistics of the Late 19th Century

Sergey A. Nefedov

Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation
hist1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0136-5020>

Abstract

The article scrutinizes the reliability of harvest statistics of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. The author shows that a crop accounting reform conducted in 1893 led to a formal increase in crop yields in 50 provinces of European Russia by at least 19 %. In some chernozem and Volga provinces, the jump in productivity in 1893–1896 compared to 1887–1890 exceeded 40 %. In the Ekaterinoslav province, the jump was 42 %, in Kher-son – 43 %, Kazan – 51 %, Ufa – 54 %, Vyatka – 55 %, Samara – 78 %. Climatic fluctuations cannot explain such a sharp increase in the average yield. Thus, the comparison of data on grain production in the 1880s with data from the beginning of the 20th century, carried out in the works of some historians, turns out to be incorrect. As is known, two trends in historiography assess the dynamics of the level of consumption in Russia in the late 19th – early 20th century in different ways. “Pessimists” talk about the growth of agrarian overpopulation and peasant shortage of land, which

© Нефедов С. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 92–99

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 92–99

led to a decrease in per capita consumption and an increase in discontent among the masses. “Optimists” take the opposite position and argue that the production growth outpaced the population growth. Accounting for the proposed adjustment of 19 % leads to the opposite conclusion. Grain production per capita was declining, and the population’s standard of living was falling. From this perspective, the ideas about Russia’s economic development in the second half of the 19th century that existed until now require revision, considering new circumstances. In this case, the “pessimistic” point of view receives an additional argument.

Keywords

crop statistics, statistics reform, cereal production, consumption level, standard of living

For citation

Nefedov S. A. On the Revision of Russian Harvest Statistics of the Late 19th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 92–99. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-92-99

Вопрос об объеме производства зерна важен сам по себе, и кроме того он непосредственно связан с дискурсом о темпах экономического развития России, об успешности (или неудаче) модернизации, об уровне потребления широких масс. Большинство историков оценивает уровень производства в 1883–1913 гг. по данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, публикуемых в сборниках «Урожай... года». Эти данные использовались при построении временных рядов, опубликованных в работах В. Г. Михайловского [1921], А. С. Нифонтова [1974], А. В. Островского [2013], В. Г. Растяникова и И. В. Дерюгиной [2009], И. А. Кузнецова [2020], а также некоторых других авторов. Наиболее апробированным при этом считается ряд посевных площадей, урожайности и валового сбора для 50 губерний Европейской России, построенный В. М. Обуховым [1927]. В свою очередь, данные временных рядов использовались в многочисленных работах историков и экономистов, посвященных исчислению валового внутреннего продукта и оценкам темпов экономического развития.

В некоторых работах обсуждался вопрос о корректировке урожайных данных ЦСК МВД, их считали заниженными и увеличивали равномерно до длины ряда на 7 % [Gregory, 1982], 10 % [Миронов, 2008], даже на 19 % [Jasny, 1972]. Однако исследования Н. Виноградовой [1926] и С. Уиткрофта [Wheatcroft, 1974] показали, что официальные данные были достаточно надежными. При этом почти все специалисты считали эти данные однородными, т. е. не допускали их скачкообразных флюктуаций в результате изменения методики сбора и обработки статистиками ЦСК.

Насколько нам известно, первым специалистом, допустившим такую возможность, был А. В. Островский [2013, с. 216]. Исследователь обратил внимание на примечание в книге Д. И. Иванцова «К критике русской урожайной статистики» [1915]. Речь шла о проведенной в 1893 г. реформе учета урожайных данных Центральным статистическим комитетом, которая заключалась, в том числе, в организации ежегодного собирания сведений о посевных площадях. Обсуждая эту тему, Д. И. Иванцов делает следующее примечание: «В личной беседе с одним из самых видных деятелей Центрального Комитета нам удалось установить, что одновременно с этой реформой в собирании посевных данных произошло (для нас не совсем ясное) изменение и в технике учета их в самом Комитете, благодаря чему подесятинные сборы “несомненно поднялись” (выделено Иванцовым. – С. Н.) в общем “не менее как на 10 %”» [Там же, с. 75].

В составленных сотрудниками ЦСК материалах известной «Комиссии 1901 года» также отмечалось, что фиксируемое официальными источниками повышение урожаев в условиях прогрессирующей выпханности земель представляется сомнительным. «Более вероятным объяснением отмеченного явления служит, по-видимому, большее совершенство сведений о сборе хлебов в последнем десятилетии сравнительно с предшествующим временем, когда статистика урожаев находилась в настолько неупорядоченном состоянии, что сведения о сборе хлебов страдали крайней недостоверностью» (Материалы, 1903, с. 198). Это прямое указание компетентных специалистов на то, что собираемые и обрабатываемые ими урожайные данные в 1880-х гг. «страдали крайней недостоверностью», что формальное увеличение

урожайности после 1893 г. объясняется «более совершенными сведениями о сборе». Очевидно, что реформа урожайной статистики с целью получения этих «более совершенных сведений» была необходима, особенно после катастрофического неурожая 1891 г.

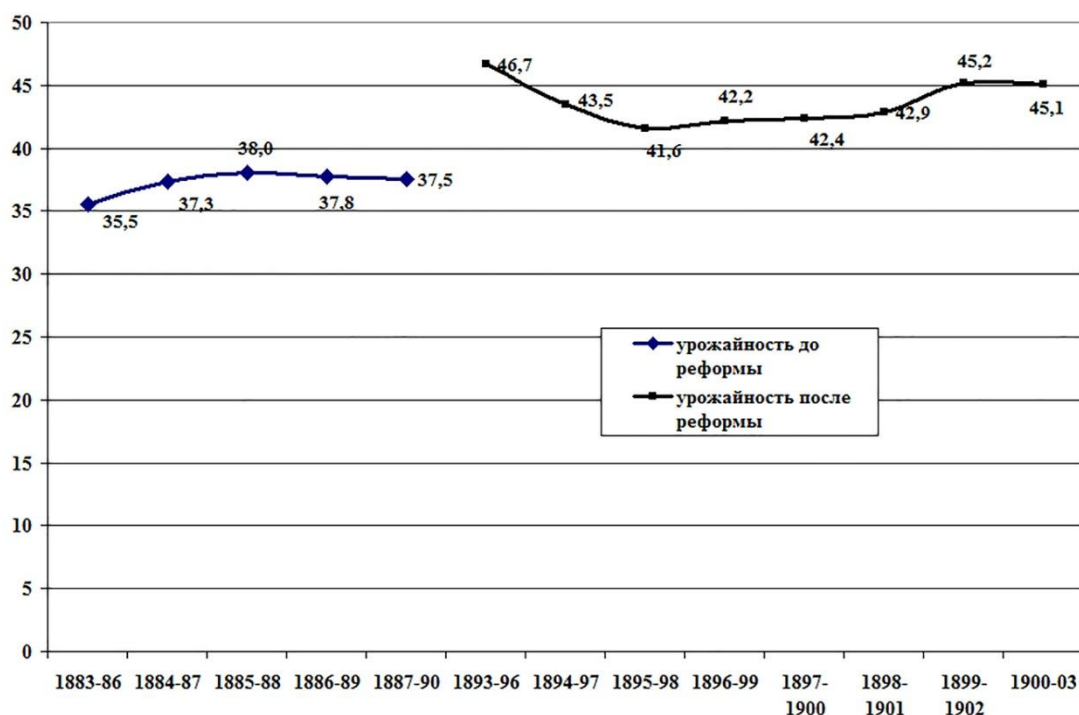
Тем не менее, указание А. В. Островского на возможность скачка в урожайных данных было скептически встречено немногими обратившими на него внимание историками. Б. Н. Миронов попросту отрицал такую возможность [2022, с. 41]. И. А. Кузнецов утверждал, что урожайная статистика не подтверждает наличия скачка: «При переходе от 1893 к 1894 году 10-процентного скачка урожайности не наблюдается, по крайней мере, урожайность четырех основных хлебов... по 50 губерниям Европейской России увеличилась лишь на 2,6 %» [2020, с. 56]. Однако по какой-то причине И. А. Кузнецов упустил из виду, что учет посевных площадей и урожайности по новым правилам начался в 1893 г., и, стало быть, скачок урожайности должен наблюдаться при переходе от 1892 к 1893 г. И он наблюдается! По данным Обухова, урожайность зерновых в 1892 г. составила 34,3 пуда с десятины, а в 1893 г. – 48,7 пуд./дес. Рост не на 2,6 и не на 10 %, а на 42 %!

Правда, перепады урожайности от года к году могут быть вызваны чередованием урожайных и неурожайных лет. При изучении динамики урожайности специалисты обычно рассматривают средние за несколько (три, четыре, пять и более) лет. Однако если мы отступим от 1893 г. на несколько лет, то придется учитывать катастрофический неурожай 1891 г. В этом случае средние за трехлетие 1893–1895 гг. превзойдут средние за 1890–1892 гг. на 46 %. Поэтому логично было бы исключить из расчетов экстремальный 1891 г. и, чтобы соблюсти требование неразрывности интервала, брать трехлетнее среднее за 1888–1890 гг., сравнивая его со средним за 1893–1895 гг. В этом случае скачок средних составит 33 %. Можно сравнивать четырехлетние средние за 1887–1890 и 1893–1896 гг. Скачок составит 24 %. Можно еще удалиться от точки разрыва и сравнить пятилетние средние за 1886–1890 и 1893–1897 гг. В этом случае в расчет попадет неурожай 1897 г. и скачок составит 19 %. Далее при сравнении шестилетних средних величина скачка снова увеличится до 21 %. Такой же разрыв имеет место при семилетних средних, а для восьмилетних средних он составит 22 % (подсчитано по: [Обухов, 1927, с. 56]).

Формальный рост урожайности до и после реформы урожайной статистики с использованием 4-летних скользящих средних проиллюстрирован далее. Видно, что средняя урожайность до реформы урожайной статистики и после реформы менялась незначительно, без явной тенденции к росту, а в год реформы (1893 г.) произошел внезапный скачок.

Итак, скачок в данных по урожайности действительно имеет место. «Один из самых видных деятелей Центрального Комитета» утверждал, что в результате изменения методов учета урожайность возросла на бумаге «не менее как на 10 %». Теперь становится ясным, что «не менее как на 10 %» означает скачок как минимум в 19 %, но, может быть, и больше (21–22 %).

В различных губерниях величина скачка урожайности была различной. В прибалтийских, северных, центральных промышленных губерниях существенного увеличения показателей урожайности после реформы статистики не наблюдалось. Но в некоторых черноземных и поволжских губерниях скачок урожайности в 1893–1896 гг. по сравнению с 1887–1890 гг. превышал 40 %. В Екатеринославской губернии скачок составил 42 %, в Херсонской – 43, Казанской – 51, Уфимской – 54, Вятской – 55, Самарской – 78 % (подсчитано по: [Обухов, 1927, с. 59–108]). Столь резкое повышение средней урожайности невозможно объяснить климатическими флюктуациями. По-видимому, здесь сыграли роль не только изменения в системе учета, но и «крайняя недостоверность» данных 1880-х гг., о которой писали сотрудники ЦСК, составлявшие «Материалы Комиссии 1901 года». В одних губерниях, как в Прибалтике, данные могли быть относительно достоверными, в других – «крайне недостоверными». Реформа урожайной статистики подразумевала не только изменение системы учета, но и наведение порядка в сборе данных.

Средняя урожайность по 4-летним периодам (пуд. / дес.)
(подсчитано по: [Обухов, 1927, с. 56]).

Average yield over a 4-year period (pood / desyatina)
(calculated based on [Obukhov, 1927, p. 56]).

Обнаружение неоднородности данных ЦСК заставляет критически переосмыслить не только данные отмеченных выше временных рядов, но выводы исследований, касающихся уровня потребления населения.

Как известно, в историографии существуют два направления, по-разному оценивающих динамику уровня потребления в России конца XIX – начала XX в. «Пессимисты» говорят о нарастании аграрного перенаселения и крестьянского малоземелья, что приводило к снижению душевого потребления и нарастанию недовольства народных масс. Революция 1905 г. сопровождалась волной крестьянских восстаний; крестьяне требовали передачи им помещичьей земли, что означало бы для них повышение уровня потребления. «Пессимистической» точки зрения придерживалась практически вся дореволюционная либеральная историография. «Тезис о систематическом понижении уровня жизни крестьян... – констатирует Б. Н. Миронов, – получил поддержку у всех авторитетных исследователей конца XIX – начала XX в.: И. И. Игнатович, А. А. Кауфмана, П. И. Лященко, Н. М. Покровского, Н. Н. Рожкова, А. Финн-Енотаевского и других, включая, конечно, В. И. Ленина, что отразила энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона» [Миронов, 2010, с. 31].

«Оптимисты» придерживаются противоположной позиции, они утверждают, что уровень жизни крестьян постепенно повышался. Эта точка зрения получила распространение в 1970-х гг. сначала среди американских историков, а затем, после 1993 г., и в России. Среди работ американских историков этого направления выделяется монография П. Грегори «Russian National Income. 1885–1913» [Gregory, 1982]; в то время как лидером российских «оптимистов» считается петербургский историк Б. Н. Миронов, опубликовавший несколько монографий на эту тему. Б. Н. Миронов утверждает, что причиной революции была «относи-

тельная депривация – психологическая неудовлетворенность достигнутым повышением уровня жизни, разрыв между тем, что есть, и тем, что хочется» [Миронов, 2019, с. 156]. В обоснование своей позиции он ссылается на П. Грегори, который утверждал, что «между 1885–1889 и 1897–1901 гг. стоимость зерна, оставленного крестьянами для собственного потребления, в Европейской России в постоянных ценах возросла на 51 %, тогда как сельское население увеличилось на 17 %. Таким образом, потребление зерна в крестьянском хозяйстве росло в три раза быстрее, чем сельское население» [Грегори, 2003, с. 36].

Это утверждение многократно цитировалось различными авторами как доказательство повышения уровня жизни крестьян, потому мы остановимся на нем подробнее. Обратимся к статье, в которой Грегори обосновывает этот тезис [Gregory, 1980]. Прежде всего надо отметить, что Грегори учитывает только «пищевые» культуры: рожь, пшеницу, ячмень, используя при этом данные ЦСК. В 1885–1889 гг. чистый сбор этих культур в среднем составил 1 334 млн пуд., продажи – 316 млн пуд., у крестьян осталось на потребление 1 017 млн пуд. В 1897–1901 гг. осталось на потребление 1 394 млн пуд., таким образом, в натуральных объемах количество оставленного зерна возросло не на 51, а на 35 % (подсчитано по: [Gregory, 1980, p. 162]). Если же мы учтем, что сборы в 1885–1889 гг. были как минимум на 19 % больше, чем в использованных Грегори данных ЦСК, то получится, что средние сборы в этот период составляли не меньше $1\,334 \cdot 1,19 = 1\,587$ пуд., а количество оставляемого зерна составляло по крайней мере $1\,587 - 316 = 1\,271$ млн пуд. Иначе говоря, в действительности между 1885–1889 и 1897–1901 гг. количество оставляемого зерна возросло только на 9,7 %, в то время как численность сельского населения (по Грегори) увеличилась на 17 %. В итоге душевое потребление сельского населения уменьшилось не менее чем на 6,2 %.

Недавно «оптимистическая» точка зрения, казалось бы, получила обоснование в работе И. А. Кузнецова [2020]. Автор приводит ряд пятилетних средних производства зерна на душу населения и приходит к выводу, что «динамика скользящей средней для Европейской России в целом рисует картину плавного повышения душевого производства зерна...» [Там же, с. 69]. Действительно, по Кузнецову, производство зерна на душу населения возросло с 28,1 пуда в 1883–1887 гг. до 31,6 пуда в 1909–1913 гг., т. е. на 12,5 % [Там же, с. 62]. Однако если мы учтем минимальный скачок в 19 %, то окажется, что в действительности душевое производство в 1883–1887 гг. составляло по крайней мере $28,1 \cdot 1,19 = 33,4$ пуда и к 1909–1913 гг. оно не возросло, а уменьшилось не менее чем на 5,5 %.

И. А. Кузнецов почему-то не ссылается на работу С. Уиткрофта [Wheatcroft, 1991], который тридцатью годами ранее производил такие же вычисления и пришел к такому же, как И. А. Кузнецов, выводу о росте душевого производства. По Уиткрофту, душевое производство в 1883–1887 гг. составляло 456 кг, а в 1909–1913 гг. – 515 кг, что практически совпадает с цифрами И. А. Кузнецова. Однако С. Уиткрофт подсчитал также остаток зерна за вычетом экспорта: 378 кг на душу в 1883–1887 гг. и 425 кг в 1909–1913 гг. [Ibid., p. 135]. Экспорт составлял в 1883–1887 гг. 78 кг на душу. С учетом минимального скачка реальное душевое потребление в это пятилетие составит не менее $456 \cdot 1,19 = 543$ кг, а остаток после вывоза – 465 кг. Таким образом, за 1883–1913 гг. остаток не увеличился, а уменьшился не менее чем на 9,1 %, притом что производство уменьшилось на 5,5 %. Другими словами, рост экспорта зерна приводил к уменьшению остатка на внутреннее потребление.

Неучет скачка в данных ЦСК приводит к погрешности при вычислении ВВП. Так, в новейшем исследовании группы японских историков [Kuboniwa et al., 2019, p. 345] утверждается, что стоимость сельскохозяйственной продукции в России составляла в 1885 г. 4 818,1 млн руб., а в 1913 г. 10 629,4 млн, т. е. возросла в 2,206 раза. Если мы сравним сборы зерновых по данным ЦСК в 1885 и 1913 гг., то увидим, что они увеличились именно в 2,206 раза. Иначе говоря, в своих расчетах авторы ориентировались на данные ЦСК. Как известно, для сравнения урожайных данных следует брать не отдельные годы, а промежутки в несколько лет. Если мы сравним данные за 1883–1887 и 1909–1913 гг., то увидим, что производство зерновых возросло в 1,68 раза. С учетом минимального скачка в 19 % получится,

что производство увеличилось не в 2,206 раза, а только на 42 %. Соответственно, вычисляемый авторами объем ВВП нуждается в существенной коррекции.

Таким образом, производство зерновых в России росло медленнее, чем полагали раньше, и при этом оно отставало от роста населения.

В итоге можно констатировать, что существовавшие до сих пор представления об экономическом развитии России во второй половине XIX в. требуют ревизии с учетом новых обстоятельств. «Пессимистическая» точка зрения получает при этом дополнительную аргументацию.

Список литературы

- Виноградова Н. М.** Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925. Кн. 23. С. 29–84; 1926. Кн. 24. С. 51–104.
- Грегори П.** Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 255 с.
- Иванцов Д. И.** К критике русской урожайной статистики. Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1915. 178 с.
- Кузнецов И. А.** Производство зерновых и картофеля на душу населения в Европейской России в 1883–1913 годах: динамика регионов // Крестьяноведение. 2020. Т. 5, № 1. С. 53–83. DOI 10.22394/2500-1809-2020-5-1-53-83
- Мионов Б. Н.** Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 81–95.
- Мионов Б. Н.** Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
- Мионов Б. Н.** Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.
- Мионов Б. Н.** Священные факты, мнения свободны // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 40–46. DOI 10.31857/S013216250019223-8
- Михайловский В. Г.** Тезисы доклада «Урожай в России 1801–1914 гг.» // Бюлл. ЦСУ. 1921. № 50. С. 2–8.
- Нифонтов А. С.** Зерновое производство России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1974. 318 с.
- Обухов В. М.** Движение урожаев в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России / Под ред. В. Г. Громана. М., 1927. Ч. 1. С. 1–159.
- Островский А. В.** Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Полтораки, 2013. 416 с.
- Растяльников В. Г., Дерюгина И. В.** Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2009. 192 с.
- Gregory P.** Grain Marketing's and Peasant Consumption, Russia, 1885–1913 // Explorations in Economic History. 1980. Vol. 17, no. 2. P. 135–164.
- Gregory P.** Russian National Income. 1885–1913. New York: Cambridge Uni. Press, 1982. 352 p.
- Jasny N.** Soviet and East European Studies. Cambridge; New York: Cambridge Uni. Press, 1972. 218 p.
- Kuboniwa M., Shida Y., Tabata S.** Gross Domestic Products // Kuboniwa M., Nakamura Y., Kumo V., and Shida Y. (eds.). Russian Economic Development Over Three Centuries. Singapore, 2019. P. 335–419.
- Wheatcroft S.** The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics // Soviet Studies. 1974. Vol. 26. P. 157–180.
- Wheatcroft S.** Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia // Kingston-Mann E., Mixter T. (eds.). Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton, 1991. P. 128–172.

Список источников

Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России: В 3 ч. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1903. Ч. 3. 281 с.

References

- Gregory P.** Grain Marketing's and Peasant Consumption, Russia, 1885–1913. *Explorations in Economic History*, 1980, vol. 17, no. 2, pp. 135–164.
- Gregory P.** Russian National Income. 1885–1913. New York, Cambridge University Press, 1982, 352 p.
- Gregory P.** Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX v.): Novye podschety i otsenki [Economic Growth of the Russian Empire (Late 19th – Early 20th Century): New Calculations and Estimates]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 255 p. (in Russ.)
- Jasny N.** Soviet and East European Studies. Cambridge, New York, Cambridge Uni. Press, 1972, 218 p.
- Ivantsov D. I.** K kritike russkoi urozhainoi statistiki [Toward a Criticism of Russian Harvest Statistics]. Petrograd, Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1915, 178 p. (in Russ.)
- Kuboniwa M., Shida Y., Tabata S.** Gross Domestic Products. In: Kuboniwa M., Nakamura Y., Kumo V., and Shida Y. (eds.). Russian Economic Development Over Three Centuries. Singapore, 2019, pp. 335–419.
- Kuznetsov I. A.** Proizvodstvo zernovykh i kartofelya na dushu naseleniya v Evropeiskoi Rossii v 1883–1913 godakh: dinamika regionov [Production of Grain and Potatoes Per Capita in European Russia in 1883–1913: Dynamics of Regions]. *Krest'yanovedenie [Peasant Studies]*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 53–83. DOI 10.22394/2500-1809-2020-5-1-53-83 (in Russ.)
- Mikhailovsky V. G.** Tezisy doklada “Urozhai v Rossii 1801–1914 gg.” [Abstracts of the Report “Harvests in Russia 1801–1914”]. *Byulleten' CSU [Bulletin of the CSB]*, 1921, no. 50, p. 2–8.
- Mironov B. N.** Dostatochno li proizvodilos' pishchevykh produktov v Rossii v XIX – nachale XX v.? [Was There Enough Food Produced in Russia in the 19th – Early 20th Century?]. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 2008, no. 3, pp. 81–95. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka [Welfare of the Population and Revolution in Imperial Russia: 18th – Early 20th Century]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2010, 911 p. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Rossiiskaya modernizatsiya i revolyutsiya [Russian Modernization and Revolution]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2019, 528 p. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Svyashchenny fakty, mneniya svobodny [Facts are Sacred, Opinions are Free]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2022, no. 3, pp. 40–46. DOI 10.31857/S013216250019223-8 (in Russ.)
- Nifontov A. S.** Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Grain Production in Russia in the Second Half of the 19th Century]. Moscow, Nauka, 1974, 318 p. (in Russ.)
- Obukhov V. M.** Dvizhenie urozhaev v Evropeiskoi Rossii v period 1883–1915 gg. [The Movement of Crops in European Russia in the Period 1883–1915]. In: Groman V. G. (ed.). Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaistvo Rossii [Influence of Crop Failures on the National Economy of Russia]. Moscow, 1927, vol. 1, pp. 1–159. (in Russ.)
- Ostrovsky A. V.** Zernovoe proizvodstvo Evropeiskoi Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Grain Production in European Russia in the late 19th – early 20th Century]. St. Petersburg, Poltorak, 2013, 416 p. (in Russ.)
- Rastyannikov V. G., Deryugina I. V.** Urozhainost' khlebov v Rossii. 1795–2007 [Grain Yield in Russia. 1795–2007]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2009, 192 p. (in Russ.)

- Vinogradova N. M.** Russkaya urozhainaya statistika [Russian Crop Statistics]. *Vestnik statistiki* [*Bulletin of Statistics*], 1925, vol. 23, pp. 29–84; vol. 24, pp. 51–104. (in Russ.)
- Wheatcroft S.** The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics. *Soviet Studies*, 1974, vol. 26, pp. 157–180.
- Wheatcroft S.** Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia. In: Kingston-Mann E., Mixer T. (eds). *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia*. Princeton, 1991, pp. 128–172.

List of Sources

Materialy vysochaishe uchrezhdennoi 16 noyabrya 1901 g. Komissii po issledovaniyu voprosa o dvizhenii s 1861 g. po 1900 g. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya srednezemledel'cheskikh gubernii, sravnitel'no s drugimi mestnostyami Evropeiskoi Rossii [Materials of the Commission Established on November 16, 1901 to Study the Question of the Progress from 1861 to 1900 of the Welfare of the Rural Population of the Middle Agricultural Provinces, in Comparison with Other Areas of European Russia]. In 3 vols. St. Petersburg, Tipografiya P. P. Soikina, 1903, vol. 3, 281 p.

Информация об авторе

Сергей Александрович Нефедов, доктор исторических наук, доцент
Scopus Author ID 40861593700
WoS Researcher ID Q-1642-2015

Information about the Author

Sergey A. Nefedov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 40861593700
WoS Researcher ID Q-1642-2015

*Статья поступила в редакцию 10.06.2022;
одобрена после рецензирования 09.08.2022; принята к публикации 08.10.2022
The article was submitted on 10.06.2022;
approved after reviewing on 09.08.2022; accepted for publication on 08.10.2022*